

ПОТЕРЯННЫЙ БАЛ

МИРОНОВА ИРИНА

Ирина Миронова

Потерянный бал

<https://litres.ru/73428678>

SelfPub; 2026

Аннотация

Начало XIX века. Корнуолл.

Ещё до знакомства с Эдгаром Элеоноре начинают сниться странные сны — зал, освещённый сотнями свечей, музыка, отражения в старых зеркалах и ощущение, будто всё это уже однажды произошло.

Когда судьба приводит её к настоящему балу, знакомые видения начинают обретать тревожную ясность. Дом наполнен светом, любовь кажется безупречной — и всё же в отражениях скрывается память о другом исходе.

Если время действительно способно повторяться, у Элеоноры есть лишь один шанс изменить то, что однажды уже случилось.

Иногда судьба возвращает нас к одному и тому же дню — чтобы проверить, готовы ли мы сделать иной выбор.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	25
Глава 5	36
Глава 6	42
Глава 7	48
Глава 8	53
Глава 9	60
Глава 10	64
Глава 11	68
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Ирина Миронова

Потерянный бал

Глава 1

Ветер поднимался с моря медленно, будто не решаясь тревожить старый дом. Он скользил по утёсу, касался тёмных каменных стен, проникал в узкие щели оконных рам и едва заметно шевелил тяжёлые портьеры в пустых залах. Где-то в глубине поместья отзывался тихий скрип — словно дом, уставший от времени, переворачивался во сне.

Родовое поместье Монтрэйн возвышалось над побережьем Корнуолла уже не одно столетие. Его стены, сложенные из тёмного камня, потемнели от дождей и ветров, плещ оплетал башни, точно удерживая их от падения в море. С южной террасы открывался вид на Атлантику — суровую и беспокойную. Волны разбивались о скалы с глухим рокотом, и море разговаривало со стенами на языке, понятном только им двоим.

До ближайшей деревушки Полперро было несколько миль пути, но жители редко поднимались к поместью. Дом существовал обособленно — в собственном времени, в своём ритме.

Внутри стояла особая тишина.

Лестницы отзывались приглушённым скрипом, галереи хранили портреты предков, чьи взгляды следили за каждым движением. В воздухе смешивались запахи воска, морской соли и старых книг. В библиотеке пахло пергаментом и сухими травами, в столовой — полированным деревом, в длинных коридорах — холодным камнем, от которого тянуло сыростью.

Иногда Элеоноре приходила странная мысль: стены помнят больше, чем люди, живущие в них.

Она любила бродить по винтовым лестницам, открывать двери в комнаты, давно утратившие своё назначение, подолгу сидеть в библиотеке при свете лампы или подниматься на башню, чтобы наблюдать, как море меняет цвет вместе с небом. Шерсть ковров мягко пружинила под шагами, перила оставались прохладными даже летом. Рыжие пряди вспыхивали в отблесках заката, когда она задерживалась у окон, а зелёные глаза внимательно скользили по деталям — по трещинам в рамах, по изгибу перил, по линии горизонта за стеклом. В её взгляде читалась сосредоточенность, несвойственная возрасту, тишина была ей ближе, чем шум.

Родителей Элеонора почти не помнила — лишь обрывки ощущений: тембр голоса, тепло руки, запах табака и морского ветра. Всё остальное принадлежало дому и тётушке.

Миссис Монтрэйн управляла поместьем уверенно и сдержанно. Волосы всегда были аккуратно убраны, движения — точны, взгляд — ровный, без поспешных колебаний. Она не

отличалась внешней ласковостью, но забота ощущалась в мелочах: в мягких одеялах у кровати, в чашке тёплого молока по вечерам, в книгах, которые появлялись на прикроватной тумбе точно вовремя.

Иногда тётушка звала Элеонору на веранду. Они рисовали молча, разделяя редкие, почти хрупкие минуты близости.

— Ты так похожа на свою мать, — однажды сказала она негромко. — Такая же внимательная... и любознательная.

В её голосе не звучало упрёка — лишь осторожность.

Тётушка не ограничивала её — по крайней мере, не так, как принято обращаться с детьми. И всё же в здесь существовало одно место, которое не вписывалось в эту свободу.

Южное крыло.

О нём не говорили. Туда не вели гостей, не устраивали приёмов, и даже слуги, проходя мимо закрытых дверей, понижали голос. Сам дом сторонился этой части, не желая вспоминать, какой она была прежде.

Элеонора знала это с детства. Не как запрет — как правило, не требующее объяснений.

Однажды, ещё ребёнком, она попыталась заглянуть туда. Тогда тётушка впервые сжала её руку чуть крепче обычного.

— Туда не нужно ходить, Элли. Поверь мне.

К разговору больше не возвращались.

Но такие слова запоминаются сильнее всего.

В тот вечер дождь барабанил по витражам, и свет ламп дрожал в отражениях стекла. Когда миссис Монтрэйн ушла

в свои покои, Элеонора задержалась у окна. За стеклом ночь смешивалась с дождём.

В отражении за её спиной на короткий миг возникла фигура.

Высокая.

В зелёном платье — темнее тех, что носила она.

С тем же поворотом головы.

Элеонора резко обернулась.

Коридор был пуст.

Лишь ветер прошёлся по галереям, и где-то в глубине негромко хлопнула дверь.

В ту ночь ей приснился сон.

Она шла по длинному коридору южного крыла. Стены казались чужими — здание едва заметно изменилось. Впереди — дверь.

Та самая.

Рука коснулась холодной ручки, металл отозвался ледяной гладкостью, и дверь открылась.

За ней простирался огромный зал, наполненный светом. Музыка звучала мягко и торжественно, пары кружились в танце, голоса переплетались. Воздух был тёплым, пах свечным воском и чем-то знакомым, почти забытым. Пол скользил под шагом, ткань платья касалась запястья, подол слегка цеплялся за паркет.

Но в тени стоял кто-то.

Он смотрел на неё.

Она попыталась различить лицо — и по зеркалам медленно пробежала тонкая линия — стекло дало трещину.

Музыка оборвалась.

Свет погас.

Сон исчез.

Утром Элеонора проснулась резко — словно кто-то тихо произнёс её имя.

И прежде чем вспомнила сон, подумала о двери.

Глава 2

Утро выдалось серым и тихим.

Туман, поднявшийся с моря, медленно стелился вдоль утёса и проникал в сад, смягчая очертания аллей и деревьев. Поместье растворялось в молочной дымке, сливаясь с пейзажем — неподвижным, почти бесцветным.

Дом ещё не наполнился голосами, и в этой ранней тишине чувствовалась размеренность, близкая к утешению.

Сон не исчез.

Он затаился.

Образ больше не стоял перед глазами так отчётливо, как ночью, но и не растворился в дневном свете. Отблеск зала, музыка, приоткрытая дверь — всё это сохранялось глубоко внутри, как отдалённое эхо, различимое лишь в полном покое.

Из окна спальни не было видно ни океана, ни линии горизонта — только светлая пелена, за которой угадывались тёмные силуэты скал. Элеонора задержалась у зеркала дольше обычного. Отражение выглядело спокойным, почти безмятежным, однако в глубине взгляда оставалась настороженность.

Она надела простое утреннее платье — светлое, из плотного хлопка, с длинными рукавами. Ткань мягко легла на плечи, прохладный воротник коснулся шеи. Затем спусти-

лась вниз.

В чайной комнате царил полумрак. Тёмные деревянные панели, старинные часы с кукушкой, медный чайник на подогреве — всё оставалось на своих местах. В доме уже чувствовалось движение: приглушённые шаги, негромкие голоса со стороны кухни, мягкий звон фарфора.

Завтрак подали без спешки. На столе появился свежий хлеб, ещё тёплый, масло в керамической маслёнке, чай в тонком фарфоре. Элеонора села у окна и ела спокойно, соблюдая привычную сдержанность. В такие часы дом начинал жить — негромко, но уверенно, как заведённый механизм.

Миссис Монтрэйн вошла позже. Строгое тёмное платье подчёркивало её прямую осанку, волосы были аккуратно убраны. В движениях не было поспешности — лишь привычка к порядку.

— Сегодня туман не скоро рассеется, — заметила она, занимая место напротив. — Прогулки у утёса лучше отложить.

— Да, тётушка, — ответила Элеонора.

Разговор не требовал продолжения. Между ними давно существовало негласное понимание — уважительное, сдержанное, не переходящее границы.

После завтрака Элеонора вышла в сад.

Он был просторным, разбитым на несколько террас. Узкие гравийные дорожки вились между подстриженными кустами и клумбами, уходя к старым деревьям. Гравий тихо похрустывал под подошвами. Даже в тумане сад сохранял

чёткую структуру — каждая линия, каждый поворот были выверены.

У одной из аллей работал садовник. Он аккуратно подрезал кусты, двигаясь сосредоточенно и размеренно. Услышав шаги, приостановился и почтительно склонил голову.

— Доброе утро, мисс.

— Доброе утро, — ответила Элеонора и прошла дальше.

Вдали, на другой дорожке, Элли заметила тётушку. Миссис Монтрэйн шла неторопливо, внимательно осматривая аллеи, мысленно проверяла порядок.

Элеонора хотела подойти, но остановилась. Этот утренний обход принадлежал тётушке, и нарушать его не следовало.

Она вернулась в дом.

Коридоры были тихи, наполнены рассеянным светом из высоких окон. Воздух здесь казался прохладнее, чем в саду. Элеонора шла без спешки, позволяя себе двигаться привычными маршрутами.

Проходя мимо южного крыла, она невольно замедлила шаг.

Дверь выглядела так же, как всегда: тёмное дерево, потускневшая металлическая ручка, едва заметные следы времени на панели.

Ничего необычного.

И всё же здесь воздух становился плотнее. Не настолько, чтобы назвать это переменой — лишь настолько, чтобы остановиться.

Тишина за дверью отличалась от остальной тишины дома. Глубже. Глуше.

Элеонора сделала шаг ближе — и остановилась, словно пересекла невидимую черту.

Это не было страхом.

Скорее ощущением, что стоит подойти ещё — и что-то начнёт происходить.

Элли немного помедлила, затем отвела взгляд и продолжила путь.

Но ощущение осталось.

Не тревога.

Не сомнение.

Предчувствие.

Глава 3

После того сна южное крыло не отпускало Элеонору.

Она сама удивлялась этому. Сны приходят и уходят — оставляют после себя смутный след и растворяются в дневном свете, уступая место привычным делам. Но этот — нет. Он не таял, не распадался на обрывки. Он держался цельно, будто был не видением, а воспоминанием, по ошибке оказавшимся в её памяти.

В нём всё было пугающе ясно.

Элли помнила не только свет зала и движение танца — она помнила ощущения, которые не могла придумать: как открывает ту самую дверь, как мягко скользит под подошвой пол, как музыка отзывается в груди, как ткань касается запястий, когда поднимает руки, и как тёплый воздух, наполненный свечами и чужими духами, обволакивает лицо. Порой ей казалось, что во сне она не просто наблюдала — действительно танцевала. И не один раз. Слишком уверенно тело подхватывало ритм, слишком свободно шагало туда, где, по всем законам ещё никогда не бывало.

Самое странное заключалось в том, что сон не пугал её. Он притягивал.

Не как запрет или опасность — а как место, в котором всё было знакомо. И именно это тревожило сильнее: знакомое должно иметь источник, а Элеонора никогда не бывала

в южном крыле поместья.

Не сразу и не резко — скорее исподволь — южное крыло стало возникать в паузах между делами, в тишине коридоров, в мгновениях, когда взгляд скользил по дому без цели. Раньше такого не случалось. Оно существовало как часть поместья — закрытая, отдалённая, почти неосознаваемая. Теперь же приблизилось — не в пространстве, а в её внутреннем ощущении.

Прошло несколько дней.

Дни тянулись спокойно и почти одинаково, как это часто бывает в доме, где давно установлен порядок и никто не спешит его нарушать. Утро следовало за утром, занятия — за занятиями, и всё вокруг оставалось прежним, словно ничего не произошло.

Дом жил обычной жизнью, и Элеонора старалась придерживаться распорядка.

По утрам садилась за пианино в малой гостиной. В эти ранние часы дом ещё не наполнялся голосами, и музыка звучала особенно чисто. Она играла медленно, повторяя знакомые пьесы, следя за осанкой и положением рук — так, как её учили. Потёртый лак на тёмном корпусе инструмента тускло отражал свет, клавиши отзывались мягко, чуть приглушённо — всё это было частью её детства и не требовало усилий.

Иногда Элли ловила себя на том, что пальцы движутся сами, без усилия, будто тело помнит музыку лучше, чем разум. В такие минуты представлялось, что дом слушает вместе с

ней: звук уходил под своды потолка, отражался от стен и возвращался мягким, почти приглушённым эхом.

Позднее приходил учитель — мистер Уитмор, человек лет шестидесяти, сдержанный и неизменно аккуратный. Он преподавал Элеоноре языки и историю и знал её с малых лет. Занятия проходили в библиотеке при открытых ставнях. Французская речь звучала размеренно, вопросы и ответы следовали один за другим, но слова не задерживались в памяти.

Мистер Уитмор говорил негромко, с лёгкой хрипотцой, и никогда не повышал голоса. За годы занятий они привыкли друг к другу настолько, что многие объяснения могли обходиться без лишних слов.

И всё же в последние дни внимание ускользало. Мысли снова и снова возвращались к дверям, мимо которых проходила каждый день и которые вдруг перестали быть просто дверями.

Это беспокоило её сильнее, чем Элеонора хотела признать.

К полудню миссис Монтрэйн пригласила её к чаю.

В обеденной было светло. На столе стоял фарфор, лёгкая выпечка, тонко нарезанный хлеб. Полдник был привычным, почти ритуальным, и потому тётушкин голос прозвучал особенно отчётливо.

— Элли, сегодня мне необходимо уехать, — сказала она чуть живее обычного. — В деревню. Вернусь лишь к ужину. Элеонора подняла взгляд. Тётушка редко покидала поме-

стье, и каждый такой выезд ощущался как лёгкий сдвиг в установленном порядке.

— Конечно, тётушка.

— И, если будет настроение, закончи акварель с видом на башню. Мне хотелось бы повесить её в гостиной.

Когда карета скрылась за поворотом аллеи, дом ослабил напряжение.

В такие редкие часы, когда миссис Монтрэйн покидала поместье, в доме появлялось особое чувство свободы — не шумной и беспорядочной, а тихой, осторожной.

Слуги негромко переговаривались на кухне, из пекарни тянуло запахом свежей выпечки, по коридорам разливалась прохладная апрельская свежесть. Элеонора впервые за долгое время почувствовала себя предоставленной самой себе.

Она старалась занять день привычными делами.

Рисовала в саду, сидя на низкой скамье у клумбы, и краем глаза наблюдала, как садовник неспешно высаживает цветы, осторожно расправляя корни и приглаживая землю ладонями. Под пальцами земля казалась влажной и тяжёлой, воздух пах молодой зеленью.

По дороге обратно в дом Элли встретила экономку, миссис Беннет. Та остановилась, вежливо поклонилась и поинтересовалась, хорошо ли спалось мисс Элеоноре. Та ответила спокойно, поблагодарив за заботу.

Позднее, проходя по галерее, она замедлила шаг.

Взгляд вновь скользнул в сторону южной части поместья.

Ей захотелось подойти ближе.

Не чтобы открыть дверь и не ради нарушения запрета — лишь приблизиться, убедиться, что это чувство лишено основания.

Элеонора остановилась.

Тишина за дверью отличалась от остальной тишины дома. Глубже. Глуше.

Возникло чувство, что собственные шаги отозвались в коридоре громче, чем должны были, и она невольно задержала дыхание, боясь потревожить эту неподвижность.

Элли сделала шаг вперёд — и тут же замерла, словно пересекла невидимую черту.

Это не было страхом.

Скорее ощущением, что стоит подойти ещё — и что-то начнёт происходить.

Рука почти поднялась, чтобы коснуться панели двери, но остановилась, не решившись даже на это.

В этот миг снаружи донёсся звук колёс.

Элеонора вздрогнула и отступила.

Тётушка вернулась.

В обеденной было тепло и светло. На столе уже стоял ужин и аккуратная стопка писем. Миссис Монтрэйн выглядела спокойно, но в её движениях чувствовалась собранность.

— Элеонора, присядь.

В руках был один из конвертов.

— Сегодня я получила письмо. Через месяц в порт при-

будет корабль семьи Хариссон. Их летнее поместье находится неподалёку отсюда.

Элеонора не сразу подняла глаза. Имя было ей знакомо, но давно не звучало в доме, и потому прозвучало особенно ясно.

— Твой отец, Реджинальд Монтрэйн, был близким другом виконта Генри Хариссона. Он поставлял древесину со своих земель для их верфей, и со временем деловые отношения переросли в дружбу. Наши семьи часто бывали вместе. Ты и их сын, лорд Эдгар Хариссон, виделись в детстве, но ты была слишком мала, чтобы помнить.

У Элеоноры дрогнуло что-то в груди — ощущение внешне найденной связи.

— После смерти твоих родителей многое изменилось, — продолжила миссис Монтрэйн. — Хариссоны перебрались в Лондон. Но теперь они возвращаются на лето.

Тетушка помолчала.

— Когда-то твой отец и виконт Хариссон надеялись, что их дети объединят семьи. Теперь его сын выразил желание встретиться с тобой. Его намерения, полагаю, ясны.

Элеонора опустила взгляд.

Мысль о браке никогда не казалась ей пугающей. Её воспитывали как леди, и она знала, что однажды этот день придёт. Но до этой минуты он существовал лишь как возможность. Теперь у него появилось имя. И лицо.

И вместе с этим — ощущение, что её жизнь, до сих пор

ровная и замкнутая, начинает медленно менять направление.

Внутри поднималось тихое волнение.

Не восторг. Не страх. Предвкушение.

— Я буду рада встретиться с лордом Эдгаром Харриссоном, тётушка, — ответила она без колебаний.

Миссис Монтрэйн кивнула.

Позже, когда дом стих, Элеонора долго не могла уснуть.

Она лежала в кровати, при свете лампы дочитывая книгу, но строки расплывались перед глазами. Мысли возвращались к разговору, к имени отца, к прошлому, которое существовало для неё лишь в рассказах.

Реджинальд Монтрэйн.

Элли почти не помнила его. Иногда ей казалось, что память сохранила лишь ощущение: надёжное присутствие, тепло, уверенность.

Если между ним и виконтом Хариссоном действительно существовала договорённость, если это была не только выгода, но и дружба, — в этом чувствовалось что-то утешающее. Её жизнь не начиналась с пустоты. Она продолжалась из заботы, заложенной задолго до неё.

Она вспомнила прогулки с леди Кларой Левенворт.

Они не раз выходили к дальним тропам, откуда в ясные дни можно было различить очертания другого поместья — светлого, утопающего в зелени. Клара рассказывала, что сад Хариссонов особенно красив весной: широкие аллеи, цветущие деревья, открытые террасы. Тогда эти разговоры казались лишь приятной мечтой.

Теперь они вдруг обрели иной смысл. Элеонора погасила лампу и закрыла глаза.

Волнение оставалось тихим и светлым.

С этой мыслью наконец уснула.

Глава 4

Месяц спустя.

Конец мая выдался ясным и прозрачным — с тем особым светом, который бывает только у моря, когда воздух кажется чище, чем обычно, а дальние утёсы видны так отчётливо, будто их можно коснуться рукой. Солнце стояло высоко, и вода внизу поблёскивала холодным стеклом, хотя ветер с залива оставался свежим и прохладным.

Элеонора шла по тропе вдоль края утёса. Рядом с ней легко ступала леди Клара Левенворт — подруга с самого детства, единственный человек, рядом с которым Элеонора могла позволить себе говорить чуть свободнее, чем это было принято.

Клара была ровесницей Элеоноры — живая, наблюдательная, с длинными тёмными волосами, которые она часто собирала небрежно, и тёплыми голубыми глазами, в которых всегда светился интерес к жизни. В отличие от Элеоноры, в ней было больше непосредственности: она быстрее говорила, чаще смеялась и не боялась озвучивать мысли, которые другим пришли бы в голову лишь потом.

Семья Левенворт жила ближе к Полперро. Их достаток, как и у многих корнуоллских домов, был связан с землёй и местными разработками — долями в добыче руды и вложениями, которые годами делали имена устойчивыми, а дома

— независимыми. Девушки выросли вместе: уроки, прогулки, разговоры о будущем и воображаемые балы — всё делилось на двоих.

— Посмотри, — сказала Клара, замедляя шаг и указывая в сторону моря.

На линии горизонта, там, где светлая вода сливалась с небом, показались паруса.

Не резко и не сразу — они проступали из марева: белые, уверенные, постепенно увеличиваясь и приобретая форму. Судно шло ровно, словно не торопясь, но не отклоняясь от курса.

Элеонора остановилась.

Ветер поднимался с моря, касался её лица, трепал ленты шляпки, наполнял прохладой лёгкое прогулочное платье. В груди возникло знакомое, едва уловимое сжатие — ожидание, которому пока не находилось имени.

— Это они, — сказала Клара почти шепотом. — Хариссоны.

Элеонора кивнула, не отрывая глаз от далёких парусов.

— Говорят, их поместье сейчас в полном порядке, — продолжила Клара. — И сад там чудесный. Хотя они не появлялись здесь почти десять лет. Представляешь?

— Да, — ответила Элеонора.

Её голос прозвучал спокойнее, чем ожидала.

Они ещё некоторое время смотрели на корабль. Элли хотелось удержать это мгновение — точно в нём скрывалось

что-то важное, ещё не названное.

Клара тоже говорила, и это редкое молчание казалось особенно значимым.

— Вы ожидаете их визит завтра? — спросила она наконец.

— Да. Надеюсь, встреча пройдёт благоприятно.

И снова это короткое, тёплое ощущение в груди.

— Ты волнуешься?

Элеонора чуть улыбнулась.

— Немного.

— Это хорошо, — сказала Клара. — Значит, всё действительно начинается.

Элеонора ничего не ответила.

Она снова посмотрела на море.

И сама не могла сказать, чего ждёт больше — встречи или объяснения тому странному чувству, которое появилось раньше самой встречи.

На следующий день дом Монтрэйн был оживлён.

С самого утра слуги двигались быстрее обычного: в гостиной обновили цветы, расправили портьеры, протёрли полированное дерево так, что в нём вспыхивали отражения света. В воздухе пахло воском, свежей зеленью и тёплой выпечкой, приготовленной к чаю.

Элеонора позволила служанке помочь ей с причёской. Волосы уложили аккуратно, так, чтобы ни одна прядь не выбивалась из-под лент. В этом ритуале было что-то успокаивающее, почти защитное.

Она надела платье из ткани, за которой тётушка ездила месяц назад: изящное, с высокой линией талии, подчёркивающей стройность фигуры. Ткань была мягкой, благородной, цвет — мягкий, оттеняющий её светлую кожу и рыжие волосы.

Прежде чем спуститься, Элеонора задержалась у зеркала на мгновение дольше, чем обычно — не из тщеславия, а проверяя себя.

Достаточно ли ровно уложены волосы. Не слишком ли заметно волнение.

Её учили скрывать чувство прежде, чем оно успеет выдать себя.

Когда Элли вошла, разговор уже шёл.

Свечи горели ровно, отражаясь в полированном дереве мебели. У чайного столика стояли трое мужчин, рядом, чуть

в стороне, бесшумно стоял слуга с подносом.

Лорд Эдгар Хариссон сразу выделялся.

Он был высок и строен, с тёмными волосами и карими глазами, взгляд которых сочетал спокойствие и живое внимание. Его осанка была безупречной — не показной, а естественной, как у человека, привыкшего к ответственности с детства. В его лице было что-то притягательное: мягкость линии губ и едва заметная улыбка, которая, появляясь, смягчала строгость черт.

Рядом с ним стоял мистер Джеймс Уэстмор — почти ровесник Эдгара, подвижный, с живым, чуть насмешливым выражением глаз. Его манеры были менее сдержанными, но не выходили за пределы приличий. В нём чувствовалась лёгкость человека, уверенно чувствующего себя рядом с другом.

Чуть поодаль находился господин Уильям Хариссон, дядя лорда Хариссона — мужчина средних лет, с седыми висками и внимательным, оценивающим взглядом. Он осматривал дом размеренно и цепко, как смотрят на место, где предстоит провести время.

Когда Элеонора вошла, Джеймс заметил её первым.

Его взгляд задержался на мгновение дольше, чем позволяли приличия — оценивающе, почти заинтересованно. Затем он чуть отступил в сторону, уступая место Эдгару, и в этом движении было что-то одновременно учтивое и наблюдательное.

Миссис Монтрэйн кивнула.

Элеонора сделала шаг вперёд и присела в лёгком реверансе, выпрямляясь без поспешности — так, как её учили.

— Мисс Элеонора Монтрэйн, — произнесла миссис Монтрэйн. — Лорд Эдгар Хариссон, мистер Джеймс Уэстмор, господин Уильям Хариссон.

Эдгар поклонился чуть медленнее, чем требовал этикет, и посмотрел на неё прямо.

И в этот миг Элеонора вновь почувствовала странное ощущение — будто что-то в ней узнало его раньше, чем она успела осмыслить происходящее. Сердце сделало короткий, неровный толчок.

— Для меня честь быть в вашем доме, мисс Монтрэйн, — сказал он.

Голос его звучал уверенно и глубоко, без напора — и именно это звучало убедительнее любых красивых слов.

Джеймс улыбнулся ей почти дружески.

— Мы давно слышали о красоте поместья Монтрэйн, — сказал он. — Теперь понимаю, что слухи были слишком скромны.

Фраза была безупречно вежливой. И всё же в его глазах мелькнул интерес — не столько к дому, сколько к реакции Элеоноры.

Беседа продолжилась.

Говорили о море, о плаваниях, о верфях Хариссонов, о делах в Корнуолле — ровно настолько, насколько это было уместно при первом визите после долгих лет. Эдгар говорил сдержанно, с уважением, не позволяя разговору стать слишком личным. Джеймс чаще вставлял лёгкие замечания, оживляя беседу, и время от времени поглядывал на друга — будто проверяя, всё ли идёт так, как задумано.

Когда вечер подошёл к концу и свечи заметно укоротились, лорд Эдгар поднялся.

Он сделал паузу, выбирая слова.

— Мисс Элеонора, — произнёс он наконец, — я прибыл сюда не только по давнему знакомству наших семей. Наши отцы когда-то говорили о возможности союза между нами, и я счёл своим долгом отнестись к этому серьёзно. После сегодняшней встречи я лишь укрепился в желании узнать вас ближе. И, если со временем вы сочтёте это возможным, надеяться на ваше расположение.

В комнате повисла внимательная тишина.

Джеймс стоял чуть позади. Его улыбка оставалась прежней, но взгляд стал внимательнее, чем требовалось простому свидетелю.

Миссис Монтрэйн ответила первой.

— Подобные решения требуют времени, милорд. Мы благодарны вам за откровенность.

— Я готов ждать, — сказал Эдгар.

И он сказал это просто.

Без тени сомнения.

#

Позже, когда гости покинули дом, Элеонора вышла на веранду.

Вечер был прохладным. Перила под ладонями отдавали холодом, море внизу темнело, пахло солью и влажным камнем. Где-то вдалеке слышался глухой, ровный шум волн.

Она прислонилась к перилам и закрыла глаза.

В памяти снова всплыл его взгляд — уверенный, внима-

тельный.

И это чувство, будто что-то в ней узнало его раньше, чем Элли успела подумать, не отпускало.

Эдгара Хариссона она видела лишь в детстве — слишком рано, чтобы сохранить воспоминание. Сейчас он был для неё новым человеком.

И всё же странно близким.

Почему?

Вопрос звучал без волнения, но настойчиво.

Глава 5

Ночь прошла тревожно.

Элеонора почти не спала — то погружалась в неглубокую дремоту, то вновь открывала глаза, возвращаясь к тем же мыслям. Образ лорда Эдгара возникал не как чёткое воспоминание, а как впечатление, оставшееся после взгляда или звучания голоса. Она ловила себя на том, что мысленно возвращается не к его словам, а к тому спокойствию, которое почувствовала рядом с ним.

Это удивляло её.

Их встреча была первой — в этом не могло быть сомнений. И всё же в глубине сознания жило странное чувство, будто между ними уже существовала некая нить — тонкая, почти неосязаемая, но прочная. Мысль об этом не пугала, однако не давала покоя.

Когда в дверь негромко постучали, она уже не спала.

— Войдите, — сказала она негромко.

Миссис Монтрэйн вошла осторожно. На ней было тёмное утреннее платье из плотного муслина, простое и строгое, волосы убраны без украшений. В её лице не было обычной холодной собранности — лишь сосредоточенность и та спокойная серьёзность, с которой говорят о действительно важном.

— Элли, — сказала она, присаживаясь рядом, — я хотела поговорить с тобой, пока день ещё не начался.

Элеонора приподнялась на подушках и кивнула.

— Вчерашний вечер был значимым, — продолжила тётушка. — И я вижу, что он не прошёл для тебя бесследно.

Она говорила без нажима, словно не задавая вопрос, а делаясь наблюдением.

— Я не стану повторять того, что ты уже знаешь, — добавила она после короткой паузы. — Ты достаточно взрослая, чтобы самой разобраться в своих чувствах. Но есть одна вещь, которую я считаю нужным сказать.

Миссис Монтрэйн ненадолго умолкла, словно подбирая слова.

— Когда ты родилась, — сказала она тише, — виконт Харрисон был здесь. У него уже был сын, Эдгару тогда было четыре года. Он говорил о вас с искренней радостью — как о счастливом совпадении.

На её губах появилась едва заметная, задумчивая улыбка.

— Твой отец и виконт Харрисон были очень близки. Они оба считали, что детям нельзя навязывать судьбу. Они лишь надеялись, что если однажды ты и Эдгар найдёте друг в друге тепло и понимание, это будет добрый союз.

Она посмотрела на Элеонору внимательно, но мягко.

— Твоя мать, Шарлотта, говорила то же самое. Она желала тебе не выгодного брака, а счастливого. Если бы она была здесь... — голос миссис Монтрэйн стал тише, — она бы хотела, чтобы ты слушала своё сердце, а не только долг.

Она осторожно коснулась руки племянницы.

— Я благословлю этот союз лишь в том случае, если ты сама будешь готова дать согласие. И если почувствуешь, что можешь быть с ним счастлива.

В её словах не было условия. Только поддержка.

Когда миссис Монтрэйн ушла, Элеонора ещё долго сидела неподвижно.

Разум соглашался со всем услышанным. Сердце же отвечало тише — но не противилось.

И это казалось самым странным.

После обеда гости вновь прибыли в поместье.

Элеонора спустилась в гостиную в светлом дневном платье цвета свежей лаванды, с высокой линией талии и длинными рукавами. Волосы были убраны просто, перехвачены лентой. Она заметила, как внимание Эдгара задержалось на ней чуть дольше, чем требовала вежливость, и от этого сердце дрогнуло — неожиданно и немного смущённо.

Она поймала себя на мысли, что он кажется ей очень красивым — не яркой, броской красотой, а безмятежной гармонией черт и уверенной осанкой.

Прогулку предложила миссис Монтрэйн.

Они вышли в сад: Элеонора и лорд Хариссон впереди, миссис Монтрэйн и господин Хариссон — чуть позади. Джеймс Уэстмор не остался в стороне — он шёл рядом с господином Хариссоном, но время от времени его взгляд задерживался на паре впереди.

Сад был особенно хорош в этот час. Мощёные дорожки

вилились между клумбами, где цвели розы, лаванда и вереск. Старые вяза шелестели под лёгким ветром, а вдалеке поблёскивал пруд, окружённый жасмином. Воздух был наполнен запахом травы и цветущих кустов.

Некоторое время они шли молча.

— Вы часто бываете здесь, мисс Монтрэйн? — спросил Эдгар.

— Почти ежедневно, милорд, — ответила она. — Этот сад знает меня лучше, чем я сама.

Он чуть улыбнулся.

— Тогда мне предстоит познакомиться не только с вами, но и с вашим садом.

Она невольно улыбнулась.

— Он не всегда бывает приветлив к незнакомцам.

— В таком случае, — сказал он уверенно, — я постараюсь заслужить его расположение.

Она посмотрела на него внимательнее.

— Вы хорошо помните Корнуолл?

— Смутно, — признался он. — Мне было около семи лет, когда мы уехали. Помню лишь свет... и ощущение простора.

— Я совсем не знаю Лондон, — сказала она. — Только по рассказам.

— Возможно, нам обоим предстоит многое открыть.

В его голосе не было настойчивости — только предложение.

Они прошли ещё несколько шагов.

— Вам здесь спокойнее? — спросила она.

Он ответил не сразу.

— Да. Здесь меньше ожиданий.

Она сдержанно кивнула.

— Это редкое чувство.

Он посмотрел на неё, и на этот раз в его взгляде было больше тепла, чем прежде.

— Если вы не сочтёте это поспешностью... в частной беседе мне было бы приятно, если бы вы называли меня по имени.

Сердце её дрогнуло.

Пауза была почти незаметной.

— Хорошо... Эдгар.

Имя прозвучало мягко, осторожно, словно она пробовала его впервые.

Он слегка склонил голову — благодарно, но без торжества.

В этот миг Элеонора ощутила не восторг и не смущение, а тихую уверенность, будто всё происходит именно так, как должно.

Позади послышался лёгкий смешок.

— Корнуолл, как видно, располагает к откровенности, — произнёс Джеймс, догоняя их. — Следует быть осторожнее, милорд. Здешний воздух опасен.

В его голосе не было явной насмешки — лишь тонкая, почти незаметная ирония.

Эдгар ответил сдержанно:

— Воздух Корнуолла чист. Он не искажает намерений.

Джеймс на мгновение задержал взгляд на Элеоноре, затем отвёл его. Едва заметная тень — и снова лёгкая улыбка.

В этот момент Элеонора поняла: её привлекает не положение Эдгара и не разумность союза. Её привлекала та лёгкость, которая возникала рядом с ним.

Это было первое, ещё хрупкое чувство.

И оттого особенно ценное.

Гроза перемен ещё не разразилась. Но воздух уже был ею наполнен.

Глава 6

Прошло несколько дней после прогулки по саду.

Над Корнуоллом стояли долгие, прозрачные утра конца мая. Воздух был свеж, наполнен запахом моря и молодой зелени, и солнце, поднимаясь над утёсами, обещало ясный, спокойный день.

Элеонора вышла из дома рано, в лёгком прогулочном платье, и вскоре к ней присоединилась леди Клара Левенворт.

Клара была в приподнятом настроении — щёки её разругались от ветра, а в глазах читалось нетерпение.

— Ну что же, дорогая, — сказала она почти сразу, — теперь ты обязана мне всё рассказать. Каков он?

Элеонора рассмеялась — легко, по-девичьи.

— Он очень вежлив, — ответила она. — И спокоен. Со всем не таким я его себе представляла.

— Это уже приятно, — тут же сказала Клара. — А что ещё?

Элеонора на мгновение задумалась и слегка смутилась.

— С ним... легко говорить. И легко молчать. Это странно.

Клара остановилась и посмотрела на неё внимательнее.

— Это не странно, — сказала она с улыбкой. — Это редкость.

Они пошли дальше.

— А внешность? — не унималась Клара. — Он красив?

Элеонора отвела взгляд, чувствуя, как теплеют щёки.

— Думаю, да... — сказала она тише. — В нём нет ничего показного. Всё как будто на своём месте.

Клара улыбнулась — довольная и чуть лукавая.

— А с кем он прибыл?

— С дядей, господином Уильямом Хариссоном, — ответила Элеонора. — И с близким другом семьи, мистером Джеймсом Уэстмором.

Они шли по знакомой тропе, где трава уже поднялась высоко, а вдалеке виднелась светлая полоса моря. Клара говорила о пустяках — о новых шляпках в Полперро, о предстоящем лете, о том, как быстро всё меняется, — а Элеонора слушала и ловила себя на том, что улыбается чаще, чем обычно.

В этот день ей было особенно легко.

Будто всё вокруг складывалось так, как должно.

#

К вечеру миссис Монтрэйн пригласила гостей на ужин.

Стол накрыли в летней беседке — открытой, с тонкими занавесями, которые колыхались от морского ветра. Фонари отбрасывали тёплый свет на дорожки, серебро посуды мягко поблёскивало, а пламя свечей дрожало, отражаясь в стекле.

Элеонора появилась в вечернем платье из тонкой шерсти с высокой линией талии и аккуратным вырезом. Цвет был мягким — оттенка пыльной розы. Волосы убраны просто, на шею — тонкая цепочка с небольшим медальоном, память о матери.

Она чувствовала себя собранной и удивительно спокойной.

Эдгар был одет сдержанно, но безупречно: тёмный сюртук, светлый жилет, аккуратно завязанный галстук. В его облике не было показной торжественности — лишь уважение к моменту и естественная уверенность.

Ужин был скромным, но изысканным: свежая рыба с травами, тёплый хлеб, масло с морской солью, лёгкое вино из погреба Монтрэйн.

Разговор шёл легко, без натянутости.

Господин Хариссон говорил о делах семьи, о Корнуолле и море. Он упомянул, что в этом году на верфях Хариссонов заложен новый корабль — один из самых крупных за последнее время, — и говорил об этом без хвастовства, с деловой сосредоточенностью человека, привыкшего отвечать за результат.

Мистер Джеймс Уэстмор время от времени оживлял беседу.

— Признаюсь, — сказал он с улыбкой, — после столичных дорог ваши тропы кажутся настоящей роскошью.

— Они требуют привычки, — ответила Элеонора. — Но зато не позволяют забыть, где находишься.

Эдгар посмотрел на неё так, словно отметил это замечание.

Когда слуги отступили, миссис Монтрэйн выдержала паузу и заговорила.

— Лорд Хариссон, — произнесла она ровно, — я благодарю вас за уважение и терпение, с которым вы отнеслись к нашему дому.

Она слегка склонила голову.

— Я считаю возможным дать согласие на дальнейшие визиты и ухаживания. До официального объявления помолвки необходимо время — для знакомства и взаимного понимания. Это соответствует и традиции, и здравому смыслу.

Эдгар поднялся.

— Я признателен вам за доверие, мадам, — сказал он искренне. — Для меня это большая честь.

— Я хочу, чтобы моя племянница делала выбор не из чувства долга, а с ясным сердцем, — добавила миссис Монтрэйн. — Лето — самое подходящее время, чтобы понять себя.

Элеонора почувствовала, как внутри всё отозвалось тёплой, тихой радостью.

Разговор вновь стал легче.

— Надеюсь, мисс Элеонора, — заметил мистер Уэстмор с улыбкой, — вы однажды позволите показать вам наши суда. Они куда надёжнее, чем кажутся со стороны.

Он произнёс это легко, но взгляд его на мгновение задержался на Эдгаре.

— Возможно, — ответила она. — Когда-нибудь.

Эдгар посмотрел на неё.

— Я бы хотел, чтобы ваши первые морские впечатления были только радостными.

Она не ответила сразу, но улыбнулась.

И этого оказалось достаточно.

Позднее, когда солнце окончательно скрылось за линией моря и небо окрасилось в тёплые золотые оттенки, Элеонора на мгновение задержалась в беседке, прислушиваясь к шуму волн.

Решение было принято — не громко, не внезапно, но с той спокойной ясностью, которую не отменяют сомнения.

В ту ночь она спала тревожно.

Почти два месяца прошло с того сна — первого, яркого, пугающе живого, — и за это время он почти стёрся из памяти. Его вытеснили хлопоты, приезд Хариссонов, разговоры, прогулки, улыбки Эдгара.

Реальность оказалась слишком наполненной, чтобы оставлять место снам.

Но этой ночью он вернулся.

Сначала — как ощущение.

Тёплый воздух, наполненный ароматами духов и свечей. Свет, отражающийся в зеркалах. Музыка, отзывающаяся в груди прежде, чем её успеваешь услышать.

Люди кружились в танце — счастливые, нарядные, словно мир был соткан из одного лишь света и движения.

И всё же что-то было иначе.

Она не сразу поняла — что именно. Но в этом сне появилось смутное чувство несоответствия, будто знакомая сцена была повторена с едва заметным сдвигом.

Как мелодия, сыгранная в той же тональности, но с другой нотой.

Проснувшись, Элеонора ещё долго лежала неподвижно, прислушиваясь к тишине дома.

Сон не пугал её.

Но и не отпускал.

Глава 7

Начало июня выдалось тёплым и ясным.

Утро входило в дом вместе с запахом моря и свежескошенной травы. Сад стоял в полном цвету: розы раскрывались одна за другой, солнечный свет мягко ложился на каменные террасы, а открытые окна пропускали в комнаты ровный шум прибоя. Лето ощущалось во всём — в ленивом жужжании насекомых, в неторопливых шагах слуг, в прозрачном воздухе, наполненном теплом.

День рождения Элеоноры приближался.

Через несколько дней ей должно было исполниться семнадцать, и миссис Монтрэйн решила устроить в её честь приём. Были приглашены Хариссоны, мистер Джеймс Уэстмор, а также леди Клара Левенворт с семьёй.

За обедом разговор неизбежно вернулся к предстоящему вечеру.

— Мы примем гостей в большом зале, — говорила миссис Монтрэйн, раскладывая салфетку. — Цветы уже заказаны. Музыканты приедут из Труро. Ничего чрезмерного — лишь чтобы вечер был приятным.

Элеонора улыбнулась.

— Клара будет в восторге. Она уже несколько дней гадает, какое платье выбрать.

— В этом возрасте платье часто кажется важнее самого

праздника, — ответила тётушка с едва заметной улыбкой. — Впрочем, и я когда-то была такой же.

Элеонора взглянула на неё внимательнее.

— Ты редко говоришь о себе в юности.

— Возможно, потому что она осталась далеко, — сказала миссис Монтрэйн, не поднимая глаз от тарелки. — А воспоминания не всегда стоит тревожить без необходимости.

Тетушка перевела разговор на приготовления, перечисляя мелочи — цветы, музыку, время начала приёма. Элеонора слушала, но мысли её были заняты другим. Сон, вернувшийся прошлой ночью, не отпускал.

Она помедлила, прежде чем заговорить.

— Тётушка... я хочу рассказать тебе кое-что.

Миссис Монтрэйн подняла взгляд.

— Мне снится один и тот же сон, — сказала Элеонора почти шёпотом. — Про южное крыло. Я вижу там большой зал. Свет, музыка, люди танцуют. Всё ощущается так отчётливо, будто я не сплю, а нахожусь среди них.

Она сжала пальцы, лежавшие на коленях.

— И каждый раз мне кажется, что я уже знаю этот зал. Эти шаги. Это движение.

На мгновение за столом стало тихо.

Миссис Монтрэйн медленно положила вилку на тарелку. Плечи её выпрямились почти незаметно, но в этом движении появилась напряжённость.

— Элли, — произнесла она мягко, без спешки, — сны

бывают очень убедительными. Особенно когда жизнь меняется. Не стоит искать в них смысл.

— Но раньше такого не было, — ответила Элеонора. — И теперь всё кажется... слишком настоящим.

Тётушка посмотрела на неё внимательно, и взгляд её задержался дольше обычного.

Затем она улыбнулась — ровно, как всегда.

— Сны возвращаются, когда сердце встревожено. Это всего лишь сон.

Миссис Монтрэйн сделала короткую паузу и добавила уже строже:

— И я надеюсь, ты помнишь, что в южное крыло вход по-прежнему запрещён.

Слова прозвучали ровно, но в них было больше твёрдости, чем прежде.

— Я помню, — ответила Элеонора.

— Вот и хорошо. Теперь нам следует обсудить твоё платье.

Разговор продолжился — о тканях, оттенках, длине рукавов, — но Элеонора слушала рассеянно. Ей казалось, что за спокойными словами тётушки скрывается нечто большее, чем простое беспокойство.

После обеда Элли вышла на веранду с книгой.

Море шумело ровно, воздух был тёплым, и дом за её спиной оставался привычным, надёжным, таким же, как всегда. Она пыталась читать, но строки не складывались в смысл. Мысли снова возвращались к короткому напряжению за столом — к тому, как быстро тётушка оборвала разговор, и как её взгляд на мгновение стал другим.

Южное крыло всегда существовало в доме как нечто далёкое, не требующее вопросов.

Теперь эта мысль не исчезала.

Если за закрытой дверью действительно ничего нет — зачем столько осторожности?

Элеонора закрыла книгу и положила её рядом.

Она ещё не знала, что сделает.

Но впервые не отмахнулась от желания понять.

Глава 8

Утро было ясным и тихим, наполненным тем особым светом, который делает дом праздничным ещё до начала торжества. Свет пробивался сквозь шёлковые занавеси, наполняя комнату тёплым утренним сиянием. В доме уже слышались шаги, приглушённые голоса слуг, лёгкий звон посуды - поместье просыпалось необычно оживлённым, точно само готовилось к торжеству.

Элеонора стояла у окна и улыбалась - легко, по-настоящему. Сегодня ей исполнялось семнадцать. День обещал быть радостным, наполненным людьми, вниманием, смехом - и этого было более чем достаточно.

Она поймала себя на том, что ждёт его начала с тихим, почти детским нетерпением.

Элли надела своё новое платье - лёгкое, но торжественное, цвета сливок с жемчужной вышивкой, заказанное тётушкой заранее. Волосы были уложены в мягкий, воздушный узел с небрежной завитушкой у виска - как на старом портрете её матери, висевшем в галерее.

На первом этаже её уже ждали. Из кухни доносился звон посуды, по дому витал запах свежих цветов. Служанка Молли первой бросилась к ней - с тёплым, неловким объятием и свёртком, поспешно протянутым в руки.

Внутри оказалась закладка из красного бархата, вышитая

вручную.

— Это немного, мисс, но я сама шила... Спасибо вам за то, что вы такая, какая есть, — пробормотала она, краснея.

Другие слуги тоже подходили с небольшими, но трогательными дарами: кружевным платком, засушенной розой в рамке, набором перьев для письма. В этих маленьких дарах было больше тепла, чем в самых дорогих вещах. Элеонора благодарила каждого с искренним теплом, удивлённая, сколько любви таится в этих людях, с которыми она делила стены дома, но так редко - душу.

После лёгкого завтрака, в предвкушении приёма, она села за фортепиано. Простая пьеса из старого сборника наполнила гостиную мягкой, утренней мелодией. Она играла не для гостей и не для себя — для дома, который, казалось, слушал каждую ноту.

Тётушка спустилась позже, в благодушном расположении духа. На ней было строгое, но элегантное платье из серого шёлка, а в руках - небольшая шкатулка.

— Элеонора, милая, с днём рождения. Желаю тебе ясного ума, спокойного сердца и той мудрости, которой, увы, так часто не хватает юности, — сказала она, вручая подарок.

Внутри лежала фамильная брошь: серебряная лилия, инкрустированная агатом. Элеонора узнала её - видела в шкатулке, когда была ещё ребёнком. Но теперь, в момент дарения, это казалось чем-то большим, чем просто украшение. Символом. Связью.

К полудню поместье преобразилось. Цветы, собранные с рассветом, украшали лестницы и колонны. В главном зале слуги заканчивали сервировку: длинный дубовый стол был заставлен серебряными блюдами, фарфором и хрусталём. Здесь были жареные фазаны, ореховые паштеты, копчёная форель, овощные пироги и булочки со сливочным соусом. Ароматы растекались от кухни до самых дальних комнат.

Гости начали прибывать после обеда.

Сначала - семья Левенворт.

Леди Мэри Левенворт, статная и приветливая, в светло-голубом платье, мистер Артур Левенворт - сдержанный, с внимательным взглядом, Клара - сияющая, в платье цвета лаванды. А следом - её младший брат, Томас Левенворт, лет десяти, державшийся чуть позади, с явно спрятанным за спиной свёртком.

— Элли! — Клара обняла её первой. — Ты сегодня просто чудо!

— Подождите! — вдруг вмешался Томас и протянул Элеоноре рисунок. — Это для вас. Я сам рисовал.

На бумаге был дом Монтрэйн - немного кривоватый, но узнаваемый, с башней и большим залом, залитым светом. Свет в зале был нарисован ярким - почти нереальным.

— Это... великолепно, Томас, — сказала Элеонора искренне. — Я сохраню его.

Мальчик покраснел от гордости.

Чуть позже прибыли Хариссоны.

Эдгар - сдержанный, безупречно одетый, с привычной спокойной улыбкой. Рядом с ним - мистер Джеймс Уэстмор, оживлённый и обаятельный, и господин Хариссон.

Когда все расселись за столом, поднялись первые тосты.

— Элеонора расцвела в истинную леди, — сказала леди Левенворт. — И пусть грядущий год принесёт ей не только свет, но и благословенное спокойствие.

— Пусть её сердце останется столь же ясным, как сегодня, — добавил господин Хариссон.

Клара подошла с тёплой улыбкой:

— Моя милая Элеонора, с днём рождения! Желаю, чтобы каждый день приносил тебе радость, а впереди было много удивительных открытий.

Мистер Джеймс подмигнул и добавил:

— И пусть ни один пират не уведёт её в открытое море... если только она сама не решит отплыть.

Смех и аплодисменты наполнили зал. Элеонора почувствовала подлинную радость. Тётушка, сидевшая во главе стола, наблюдала за происходящим со стороны - с лёгкой, едва уловимой печалью. На мгновение её взгляд скользнул к закрытым дверям зала — задержался, едва заметно, — и только потом вернулся к гостям.

Когда был подан десерт - высокий лимонный торт с кремом, украшенный цукатами и хрустящим сахаром, - гости вновь воскликнули:

— За хозяйку вечера!

— И пусть этот лимон - самая горькая нота в её жизни, — усмехнулся Уильям Хариссон.

После десерта, когда разговоры стали тише и гости разошлись небольшими группами, Эдгар подошёл к Элеоноре с подарком - резной коробкой из красного дерева с коваными петлями.

— Миледи, — сказал он, склоняясь, — позвольте преподнести вам нечто, что я сделал сам. Надеюсь, оно займёт место среди ваших сокровенных вещей.

Внутри была бутылка с кораблём. Паруса будто колыхались на ветру, мачты были прямыми, канаты - натянутыми. Всё, до мельчайших деталей, было выполнено с любовью и терпением.

— Это... невероятно, — прошептала она. — Такая тонкая работа... настоящий мир за стеклом.

— Это моё увлечение, — признался Эдгар. — Я люблю строить корабли. Это - продолжение нашего семейного дела.

В его голосе не было хвастовства - только спокойная гордость.

Позже гости вышли в сад. Свет фонарей мягко ложился на дорожки, разговоры и смех сливались в одно тёплое, живое мгновение.

Когда вечер стал подходить к концу и гости начали прощаться, Элеонора на мгновение осталась в стороне, прижимая к груди коробку с кораблём.

Этот день был именно таким, каким и должен был быть. Светлым. Тёплым. Настоящим.

И всё же где-то в глубине дома оставалась тишина, которая не праздновала вместе со всеми.

Глава 9

После дня рождения Элеоноры прошла почти неделя.

Дни стояли ясные, но не знойные, воздух оставался свежим и прозрачным, а вечера тянулись долго, не спеша уступать ночи. В доме Монтрэйнов ещё сохранялось ощущение праздника — тихое, тёплое, как воспоминание, которое не торопится исчезнуть.

Приглашение от Хариссонов пришло утром.

Лорд Эдгар просил мисс Элеонору и леди Клару оказать им честь и пожаловать на дневное чаепитие — в летнем саду, если позволит погода. Миссис Монтрэйн, прочитав письмо, кивнула и заметила, что визит вполне уместен.

К полудню они выехали.

Элли сидела напротив Клары и ловила себя на том, что улыбается без всякой причины.

— Ты выглядишь так, будто едешь не на чай, а навстречу приключению, — заметила Клара с лукавством.

— Просто... я немного волнуюсь. Я ещё никогда не бывала у них.

— Всё будет хорошо, моя дорогая. Я рядом.

Элли улыбнулась и отвернулась к окну, скрывая лёгкое смущение.

Поместье Хариссонов оказалось светлым и открытым, без той замкнутой тишины, к которой она привыкла дома. Ак-

куратные аллеи, широкие лужайки, дом, обращённый фасадом к саду. Всё здесь казалось чуть более оживлённым, чем в родном доме.

Чай накрыли под старым платаном.

Лёгкий стол, фарфор с тонким узором, свежая выпечка, клубника в хрустальной чаше — всё располагало к неспешной беседе. Эдгар встретил гостей сам — спокойный, внимательный, в светлом дневном сюртуке.

— Я рад, что вы приняли приглашение, — сказал он. — Надеюсь, дорога не утомила вас.

— Совсем нет. Здесь удивительно приятно.

Клара оживилась почти сразу, и разговор быстро стал лёгким. Она расспрашивала о саде, смеялась над собственными догадками. Джеймс поддерживал беседу охотно и с живостью — в его словах было больше шутки, чем значительности, и это снимало всякую неловкость.

— Признаюсь, — сказал он, — я всегда считал, что сады созданы исключительно для того, чтобы в них заблудиться и быть найденным кем-нибудь интересным.

— Тогда вы рискуете провести здесь весь день, — заметила Клара.

Элеонора наблюдала за ними с тихой радостью. Всё происходило просто и без усилия. Эдгар говорил немного, но внимательно слушал, иногда обращаясь к ней так, словно её мнение значило для него больше, чем он позволял показать.

Позже они прогулялись по саду.

Несколько дорожек, цветущие кусты, тень деревьев. Элеонора отвечала не задумываясь, смеялась чаще обычного и постепенно поняла: это чувство — не восторг и не волнение. Ей просто хорошо рядом с ним.

Когда пришло время возвращаться, Эдгар проводил их до экипажа.

— Я буду рад видеть вас снова, — сказал он с улыбкой.

В этих словах не было ни обещания, ни давления — лишь спокойная уверенность в том, что встречи продолжатся.

Дом Монтрэйнов встретил вечерней тишиной.

Миссис Монтрэйн выслушала рассказ о визите, задала несколько спокойных вопросов и пожелала Элли доброй ночи. Вскоре в доме стихли шаги и голоса.

Ночью Элеонора проснулась от жажды.

Она накинула лёгкий пеньюар и, не зажигая свечи, вышла в коридор, ступая осторожно, чтобы не разбудить дом. Спускаясь вниз, она думала лишь о воде и о том, как приятно будет снова лечь в прохладную постель.

И потому не сразу поняла, что именно увидела.

В нижнем коридоре горела свеча.

Элеонора остановилась.

Тётушка стояла у поворота, ведущего к южному крылу. Лицо её было сосредоточенным, движения — осторожными, будто каждый шаг давался ей с усилием. Пламя дрогнуло, и тень легла на её черты неровно, будто колебание шло не только от огня.

Затем она шагнула в сторону коридора, который в этом доме обходили молча.

В тот же миг послышались шаги слуг в дальнем конце коридора. Тётушка быстро обернулась, тихо что-то сказала и изменила направление, погасив свечу. Коридор снова погрузился в темноту, словно ничего не произошло.

Вернувшись в комнату, Элли долго лежала с открытыми глазами.

Раньше запрет существовал сам по себе — как часть дома, как правило, которое не требовало объяснений. Но теперь она видела тётушку в том коридоре. Видела её колебание, осторожный шаг, погашенную свечу.

Это уже нельзя было объяснить одним лишь порядком.

Южное крыло больше не казалось далёкой частью дома. Оно вошло в её жизнь — через этот ночной свет, через тень на лице тётушки, через незавершённое движение.

Элеонора закрыла глаза.

Теперь вопрос касался её лично.

Глава 10

С самого утра небо стояло высоким и светлым, воздух был прозрачен, а солнечные лучи ложились на каменные террасы поместья Монтрэйн мягко и щедро, словно лето решило показать себя во всей полноте.

Миссис Монтрэйн распорядилась о небольшом приёме. Были приглашены Хариссоны, семья Левенворт и несколько ближайших знакомых. Никакой музыки, никаких украшений сверх меры — лишь порядок, спокойствие и ясность намерений.

Элеонора появилась в гостиной в светлом платье из тонкого муслина, почти белом, с лёгким персиковым оттенком. Линия талии была подчёркнута аккуратной лентой, волосы убраны просто, без украшений. В её облике не было нарочитой нарядности — только тихая уверенность и то особое внутреннее сияние, которое невольно притягивало взгляд.

Эдгар держался рядом — сдержанный, внимательный, с той спокойной собранностью, которая за последние недели стала для неё привычной и удивительно надёжной.

Разговоры текли ровно: говорили о лете, о садах, о погоде — обо всём, что заполняет паузы перед важным словом. И когда чай был подан, а слуги ненавязчиво отступили, миссис Монтрэйн поднялась.

Она не повысила голоса и говорила так же спокойно, как

всегда.

— Друзья мои, — сказала она, — я благодарна вам за то, что вы собрались сегодня здесь. Мне приятно сообщить, что моя племянница, мисс Элеонора Монтрэйн, дала своё согласие на помолвку с лордом Эдгаром Хариссоном.

В зале повисла тишина — не удивлённая, а внимательная.

— Это решение было принято без спешки и с ясным сердцем, — продолжила она. — Я рада благословить этот союз и надеюсь, что время до венчания позволит молодым людям ещё лучше узнать друг друга.

Эдгар слегка склонил голову — жест был сдержанным, почти официальным, но в его взгляде, обращённом к Элеоноре, было то тепло, которое не нуждалось в словах.

Поздравления последовали одно за другим — негромкие, искренние.

— Это прекрасная новость, — сказала Клара с искренней улыбкой, беря Элеонору за руку. — Вы очень подходите друг другу.

— Желаю вам спокойствия и долгой радости, — добавил мистер Хариссон.

— И пусть море всегда будет к вам благосклонно, — с улыбкой заметил мистер Джеймс.

Элеонора отвечала с легкой улыбкой и смущением, но в глубине души она ясно чувствовала: сомнений больше нет. Всё происходящее казалось естественным, правильным — будто она шла по дороге, которую знала всегда.

К вечеру гости стали прощаться. Солнце ещё стояло высоко, но свет его уже был мягче, спокойнее. Экипажи скрывались за воротами один за другим, и дом постепенно возвращался к тишине.

К вечеру погода внезапно переменилась.

Сначала налетел резкий ветер — внезапный, холодный. Затем небо, ещё недавно ясное, потемнело, словно кто-то медленно затянул его тяжёлыми облаками. Гром прокатился над утёсами — не грозно, но тяжело, как отдалённый отклик.

Элеонора стояла у окна и смотрела, как дождь полосует сад, как гнутся ветви, как свет исчезает за серой завесой воды.

Этой ночью сон вернулся.

Она снова оказалась в бальном зале. Музыка была той же — торжественной, глубокой, проникающей под кожу. Свет отражался в зеркалах, свечи дрожали, воздух был наполнен ароматами духов и тёплого воска.

Люди танцевали.

И теперь она видела ясно: в самом центре зала кружились они.

Она — в светлом платье, с собранными волосами, спокойная, почти сияющая. И Эдгар — его рука уверенно лежала на её талии, движение было спокойным и уверенным, как в танце, который давно выучен, шаги — ровные, взгляд сосредоточен лишь на ней.

Они танцевали вальс — плавно, без усилия, так, словно

этот танец был им знаком всегда.

Она наблюдала со стороны — и всё же знала, что это она. Не отражение. Не видение. Она сама — но немного старше.

Музыка звучала громче. И в этот раз сон не рассеялся сразу.

Он задержался — слишком долго, слишком отчётливо, чтобы быть просто сном.

Глава 11

Июль стоял тёплый и ясный, без изнуряющей жары. После утренних занятий воздух казался особенно свежим, и Элеонора с облегчением закрыла учебник, отложив его на край стола.

— На сегодня достаточно, мисс, — сказал мистер Уитмор,
а

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.